

И. Л. Яворский

**Путешествие русского посольства по
Афганистану и Бухарскому ханству в
1878-1879 гг.**

УДК 91
ББК 26.8
Я22

Я22 **Яворский И.Л.**
Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878-1879 гг. / И. Л. Яворский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 785 с.

ISBN 978-5-518-07461-3

ISBN 978-5-518-07461-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

VI

г. Мазари-Шерифа. — Каршіякъ. — Приѣмъ, оказанный миссіи со стороны авганской администраціи въ Мазари-Шерифѣ. — Пребываніе миссіи въ этомъ городѣ. — Болѣзнь и смерть Лойнаба Чааръ-вилайета. — Мѣстныя лихорадки. — Приглашеніе миссіи эмиромъ Ширъ-Али-ханомъ въ Кабуль. — Выступленіе изъ Мазари-Шерифа . 104 —

Глава V. Въ Авганскомъ Туркестанѣ.

Выступленіе въ путь. — Авганская артиллерія. — Гури-Маръ. — Переваль Абъ-дугъ. — Наибъ-абадъ. — Нашъ путевой день. — «Гярмъ-сиръ». — Старый Хулумъ. — Ташъ-Курганъ — ворота Гинду-Куша. — Авганская дисциплина. — Положеніе миссіи. — Спички Воронцовой и К°. — Краткій историко-географическій очеркъ долины рѣки Аму. — Европейскіе путешественники по ней. 151 —

Глава VI. Отъ Ташъ-Кургана до Бамьяна.

Путь вдоль рѣки Хулумъ. — Саядъ. — Ночной путь. — Бадесьябъ. — Гейбекская котловина. — Ущелье Дер-и-Зенданъ. — Гипербола Бёрнса. — Саръ-багъ. — Хуремъ. — Первый переваль по дорогѣ въ Бамьянъ. Чембаракъ. — Равнина Руи. — Верховья рѣки Хулумъ и Дуабская лощина. — Вторая гипербола, сообщаемая Бёрнсомъ. — Перевалы: Бизилъ и Кара-котель. — Долина Мадэръ. — Двѣ строки изъ современной исторіи Авганистана. — Ущелье Баджахъ. — Бамьянскій губернаторъ. — Багмардская долина. — Неточности Бёрслема. — Денданъ-Шикенскій подъемъ. — Сайганская долина. — Аса-фетида. — Ущелье Сухте-Чинаръ. — Урочище Риги-Ноу. — Акъ-Раббатскій переваль. — Видъ съ него на панораму окрестныхъ горъ. — Спускъ съ перевала въ Бамьянскую долину. 195 —

Глава VII. Въ Бамьянской долинѣ.

Три дня въ Бамьянѣ. — Памятники древности: пещеры, развалины. — Бамьянскіе колоссы. — Мое путешествіе по пещерамъ и восхожденіе на голову одного изъ колоссовъ. — Описаніе колоссовъ. — Мѣстныя преданія о нихъ. — Зоухаково Городище. — Малый Иракскій переваль. — Географія Бамьянской долины; ея флора и фауна. — Краткая исторія Бамьяна съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. — Нѣсколько словъ о мѣстоположеніи древняго города Бамьяна. 251 —

VII

Глава VIII. Отъ Бамьяна до Кабула.

Иракская долина. — Подъемъ на Большой Иракскій перевалъ. — Соединительный узелъ между Гинду-Кушемъ и Кухи-Бабой. — Селеніе Харзаръ. — Укрѣпленіе Герденъ-Диваръ. — Перевалъ Уннай. — Спускъ въ долину Кабульской рѣки. — Сэръ-Чешмэ. — Коти-Апру. — Прибытіе Сердаря Абдулла-хана. — Последній на пути къ Кабулу перевалъ, Сефидъ-Хакъ. — Культура верхней части долины Кабуль-дары. — Приѣздъ Везира-Шахъ-Магометъ-хана. — День въ Баля-и-Кзы. — Слоны. — Последняя почта изъ Ташкента; телеграмма о закрытіи Берлинскаго Конгресса. — Торжественное шествіе русской миссіи на слонахъ и въѣздъ въ Кабуль. — Приемъ, сдѣланный миссіи со стороны Кабульскаго населенія. 287—31

Глава IX. Въ Кабуль.

Помѣщеніе миссіи въ Бала-Хиссаръ. — Приемъ миссіи эмиромъ Ширъ Али-ханомъ. — Народное празднество. — Подарки, присланныя Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ эмиру. — Эмиръ даритъ миссіи 11,000 рупій. — Жизнь миссіи въ Кабуль. — Англійскія газеты, получавшіяся эмиромъ. — Полученіе почты изъ Ташкента. — Болѣзнь и смерть наследнаго принца Абдулла-Джана. — Переговоры генерала Столѣтова съ авганскимъ правительствомъ. — Извѣстія о снаряженіи англійскаго посольства въ Кабуль. — Отказъ эмира. — Домашній базаръ 317—3

Глава X. Возвращеніе ген. Столѣтова изъ Кабула.

Неожиданный сюрпризъ. — Авганскій военный министръ. — Выѣздъ изъ Кабула. — Краткая исторія г. Кабула — Двадцать дней пути отъ Кабула до Самарканда. — Снова на берегу Аму. — «Безъ вины виноватые». — Въ Шахрисябъ. — Последняя ночь пути. — Прибытіе въ Самаркандъ перваго авганскаго посольства. — Приемъ, ока-

ГЛАВА I.

Ташкентъ.—Самаркандъ.

Ташкентъ въ маѣ мѣсяцѣ 1878 г.—Приготовленія къ походу въ Индію.—Снаряженіе русской миссіи въ Кабуль.—Обстоятельства, при которыхъ произошло это снаряженіе.—Составъ миссіи.—Приготовленія къ отъѣзду изъ Ташкента.—Путь отъ Ташкента до Самарканда.—Сборы миссіи въ Самаркандѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1878 г. въ Ташкентѣ царствовало болѣе замѣтное оживленіе среди общества, чѣмъ когда либо прежде.

Готовились къ походу въ Индію. Изданъ былъ приказъ по войскамъ Туркестанскаго Округа о сформированіи трехъ отрядовъ, имѣвшихъ выступить, въ самое непродолжительное время, къ южнымъ границамъ Округа.

Все воинство туркестанское точно проснулось отъ долгой дремоты, зашевелилось, загудѣло; пошла спѣшная работа по снаряженію обозовъ.

было слышать выраженія крайняго удовольствія по поводу предстоящаго похода.

«Страсть какъ надоѣло сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ. Скука! Куда ни оглянись—все знакомо, да давно и запримѣчено То-ли дѣло походъ! Вольнымъ степнымъ вѣтромъ хоть обдуетъ васъ, да досыта надышетесь свѣжимъ воздухомъ. Спасибо англичанамъ! хоть они насъ выручили, а то куда ни погляди — вездѣ тишь да гладь, да Божья благодать; некуда, незачѣмъ и шагу сдѣлать; такъ бы и сгнили здѣсь въ Ташкентѣ. Ну, такъ нѣтъ-же! Теперь вотъ пойдемъ въ Индію—выгонять англичанъ оттуда. Положимъ, поговаривали о походѣ противъ Китайцевъ, да гдѣ имъ драться съ нами: убѣгутъ и не догонишь!»

Такія рѣчи можно было постоянно слышать въ кучкахъ собиравшихся въ разныхъ мѣстахъ офицеровъ. Многіе пытались отгадать: кто пойдетъ въ первыхъ эшелонахъ? Всѣмъ хотѣлось пойти первыми. Первымъ—первое дѣло и первая награда. Понятно, что о неудачахъ никто и не думалъ: туркестанскіе офицеры неудачъ не знаютъ; у нихъ неудачныхъ дѣлъ не было. Однако являлись и между ними скептики, допускавшіе возможность неудачи; но такихъ было очень немного. Большинство же ликовало и заранѣе потирало себѣ руки въ ожиданіи полученія подъемныхъ, суточныхъ и усиленныхъ раціоновъ. Положимъ, потирали себѣ они руки, въ чаяніи всѣхъ этихъ благъ, довольно неосновательно; носились даже слухи, что дѣло о подъемныхъ какъ-то затормозилось. Нѣкоторые же положительно завѣряли, что едва ли придется получить подъемныя, ибо начальникъ окружнаго штаба еще не получилъ разрѣшенія отъ военнаго министра о выдачѣ подъемныхъ, несмотря на неоднократно посланныя объ этомъ телеграммы, но... ни на что подобное не обращалось вниманія. Потомъ, хотя и довольно поздно, пришлось обратить вниманіе, и тогда они узнали, что подъемныя были очень урѣзаны, суточные даны мизерныя, да и тѣ потомъ стробованы были обратно.

Даже и солдатики какъ будто повеселѣли; чаще стала слышаться

обыкновенно-то войска въ Туркестанскомъ краѣ — особенно стрѣльцовыя части — питаются очень порядочно, а теперь ихъ стали кормить «какъ на убой». Впрочемъ, это «на убой», если хотите, можете понимать и въ буквальномъ смыслѣ.

Только женатые солдаты, а особенно тѣ, которые имѣли дѣтей, — тѣ какъ будто и призадумались. Однако и они все таки не хотѣли «ударить въ грязь лицомъ», бодрились и даже пробовали подсмѣиваться надъ молодыми солдатами, довольно сильно смахивавшими еще на деревенскихъ ротозѣевъ. Впрочемъ, особенно-то не о чемъ было горевать и женатымъ. Туркестанскіе походы никогда не сопровождались значительною убылью въ строѣ войскъ. Потери отъ непріятельскаго огня были почти всегда очень незначительны. Нужно, однако, замѣтить, что даже и здѣсь, въ средѣ солдатъ, являлись скептики. Большинство изъ нихъ, конечно, имѣло очень смутное понятіе о предстоящемъ походѣ. Одни говорили, что «идутъ Китайца бить» — за то де, что онъ «косоглазый» осмѣлился сдѣлать вызовъ русской власти ¹⁾. Другіе говорили, что «Туркменъ опять забунтовался, — такъ туркмена идутъ усмирять». Но были и такіе, которые, уловивъ нѣсколько фразъ изъ офицерскихъ бесѣдъ, говорили, что это будетъ совсѣмъ другой походъ — дальній да трудный.

Разговоры въ ташкентской цубликѣ были совсѣмъ другаго свойства. Здѣсь одинаково неодобрительно относились къ какому бы то ни было походу, — тѣмъ болѣе къ дальнему. Здѣсь всѣмъ памятенъ еще былъ 1875 годъ, когда городъ со дня на день ожидалъ нападенія туземцевъ сартовъ на европейскіе кварталы Ташкента. Наличнаго количества войскъ тогда было очень мало въ городѣ, по случаю военныхъ дѣйствій въ Кованскомъ ханствѣ. Поэтому всѣмъ мирнымъ жителямъ было роздано оружіе; установлены были правила для осаднаго времени, и даже былъ изданъ приказъ, чтобы по сигналу всѣ русскіе обыватели собирались въ цитадель города. Въ городѣ царствовала почти паника. Сарты заявляли себя совсѣмъ неприличными выходками. Было нѣсколько случаевъ грабежа.

Вотъ и теперь русскіе обыватели боялись возвращенія этого не совсѣмъ еще «старого» и уже совсѣмъ не «добраго» времени. Положимъ, теперь въ Ташкентѣ оставался мѣстный батальонъ и двѣ вновь сформированныя резервныя роты, но публика думала, что для полной безопасности города, въ случаѣ чего либо... этого количества войскъ недостаточно... Многія дамы думали уѣзжать въ Россію— такъ здѣсь называется Европейская Россія. Другія же, выражая конечно только свои собственныя желанія, съ видомъ и тономъ пророчицъ говорили, что никакому походу не бывать, что «все это только такъ»...—Онѣ потомъ, дѣйствительно, оказались пророчицами; по крайней мѣрѣ желанія ихъ сбылись, такъ какъ хотя походъ и былъ, но все это было на самомъ дѣлѣ «только такъ»... Тѣмъ не менѣе наши пророчицы не забыли приготовить кому слѣдуетъ и «на всякій случай»—сухарей, консервовъ и другихъ походныхъ снѣдей. А я видѣлъ, какъ многія изъ нихъ приготавливали даже спеціально-походное бѣлье для своихъ храбрыхъ половинъ.

Дамы «Краснаго Креста», и дамы не принадлежащія къ нему, въ короткое время приготовили цѣлую груду разныхъ госпитальныхъ и перевязочныхъ принадлежностей, назначавшихся для будущихъ раненыхъ героевъ. Почти во всякой порядочной гостиной непременно можно было увидать одну или нѣсколько паръ нѣжныхъ рукъ, проворно управлявшихся съ иглой въ одной и ножницами въ другой рукѣ. Положимъ, иногда можно было примѣтить непритворный вѣвокъ и гримасу досадливой скуки, вызванныя работой «съ благотворительною цѣлью», но появленіе этого предательскаго вѣвка съ успѣхомъ можно было объяснить также тѣми адскими жарамъ, какіе наступили здѣсь послѣ дождливой весны и тянулись вотъ уже недѣли три сряду.

Ташкентскій госпиталь не отсталъ отъ общаго движенія. Дѣло шло о сформированіи походнаго лазарета для главнаго отряда. Былъ назначенъ, какъ это всегда водится, главный врачъ; были назначены и санитары. Въ то время когда и в Оренбургѣ говорятъ о вѣвкѣ

пойдутъ... въ Индію! А я буду сидѣть въ этомъ скучномъ, противномъ Ташкентѣ? Да вѣдь я и поѣхалъ въ Туркестанскій Округъ передъ самой турецкой войной потому только, что предполагалъ движеніе въ Индію, такъ какъ еще и тогда было замѣтно, что Англія станетъ намъ вредить повсюду и, чего добраго, придется съ ней воевать. И вотъ теперь «сиди у моря, (даже океана—стени) да и жди погоды».

Но я вскорѣ успокоился, увидавъ себя въ числѣ врачей, назначенныхъ въ походный лазаретъ. Однако я долженъ сознаться, что мѣсто госпитальнаго ординатора меня не вполне удовлетворяло. Для меня болѣе заманчивымъ казалось положеніе баталіоннаго врача—какъ по большей самостоятельности здѣсь врача, какъ практика, такъ и по большей подвижности части; можно было угодить въ авангардъ и тогда... Конечно, въ этомъ сказывался пылъ молодости, жажда простора, сильныхъ ощущеній. Но если бы мнѣ тогда, какимъ либо чудомъ, было открыто, что мнѣ предстояло потомъ испытать во время моихъ будущихъ путешествій по Средней Азіи, то, вѣроятно, мой юношескій жаръ мгновенно остылъ бы и я предпочелъ бы остаться въ этомъ, такъ вдругъ ужь очень опротивѣвшемъ мнѣ Ташкентѣ. Но—«будущее отъ насъ всегда сокрыто» и, вѣроятно, всегда къ нашему счастью.

Я горячо принялся за походныя приготовленія. Надо было прежде всего ликвидировать свое холостое хозяйство: это надо было продать, то купить. Надо было снарядить и себя, и коня и денщика. Пуще всего меня занималъ вопросъ: на чемъ поѣдетъ денщикъ? Нѣкоторые офицеры рѣшали этотъ вопросъ очень просто. «Онъ поѣдетъ, говорили они, съ обозомъ, или еще лучше: купить ему осла—и дѣлу конецъ». Но мнѣ казалось первое неудобнымъ, а второе какъ будто и комичнымъ. Вообразите, что могло бы тогда изъ этого выйти: ѣдутъ нѣсколько офицеровъ на хорошихъ, горячихъ лошадяхъ, а подлѣ нихъ галопируютъ на своихъ вислоухихъ скакунахъ-ослахъ ихъ вѣрные Санхо-Панхо; ослы при этомъ ревуть

томъ, что въ округъ вызванъ ген. Столѣтовъ, извѣстный защитникъ Шибки. Говорили, что онъ долгое время жилъ среди мусульманскаго населенія, провелъ нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ, былъ въ Персіи, жилъ нѣкоторое время въ Красноводскѣ, производилъ нивелировку нижняго теченія Аму-Дарьи, хорошо знаетъ азійскія нарѣчія—и вообще обладаетъ многими качествами, очень цѣнными для предстоящаго похода. Такъ вотъ и говорили, что онъ вызванъ въ Ташкентъ по поводу «Индійскаго» похода. О томъ же, что рѣшено было послать въ Афганистанъ русское посольство—не было и рѣчи; никто объ этомъ не произнесъ ни одного слова.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, а именно 24-го мая 1878 г., я получаю записку секретаря Окружнаго Медицинскаго Управленія. Эта записка извѣщала меня, чтобы я «пожаловалъ немедленно къ его пр—ву окружному военно-медицинскому инспектору». Сбоку записки значилась надпись: «весьма экстренно».

Являюсь—и узнаю то, чего никто не ожидалъ,—а именно, что сформировано Посольство въ Афганистанъ. Главой посольства былъ назначенъ генералъ Столѣтовъ. Мнѣ окружной инспекторъ поручалъ постъ врача посольства. Дѣло велось весьма экстренно. Я поспѣшилъ явиться къ моему новому и совсѣмъ неожиданному начальнику.

Проѣзжая мимо гостиницы Ильина, (находящейся на Большомъ просп.) нельзя было не замѣтить у домоваго подъѣзда двухъ ординарцевъ, вытянувшихся, какъ статуи, у обѣихъ половинокъ дверей. Подхожу и спрашиваю: здѣсь остановился генералъ Столѣтовъ?—«Точно такъ»—и одна изъ статуй исчезаетъ за дверью для доклада. Вхожу. Свѣжесть и прохлада, господствовавшія въ комнатахъ, составляли пріятный контрастъ съ раскаленнымъ воздухомъ улицъ.

Я прежде никогда не видалъ генерала Столѣтова. Составивъ себѣ о немъ понятіе по газетнымъ извѣстіямъ, я ожидалъ увидѣть браваго, закаленного воина, почти титаническую фигуру. Но я былъ неожиданно изумленъ, увидавъ передъ собою небольшого роста че-

сѣшптъ, что по причинѣ болѣзни онъ запоздалъ въ Москвѣ и затѣмъ распространился о своей больной рукѣ, которая носила еще слѣды бывшаго воспаленія кожи. Генераль кончилъ тѣмъ, что посоветовалъ мнѣ выѣхать изъ Ташкента въ Самаркандъ, сборный пунктъ всѣхъ членовъ миссiи, на другой же день.

Цѣлый день я, что называется, «поролъ горячку» Мнѣ надо было устроить свои дѣла, надо было снарядить походную аптеку; необходимо было, наконецъ, получить денегъ, хотя, мнѣ кажется, слѣдовало бы начать именно съ послѣдняго. Но, какъ я ни старался, а на слѣдующій день не успѣлъ выѣхать. Да къ тому-же и содержаніе, ассигнованное членамъ посольства, не было еще получено изъ областнаго казначейства.

А и содержаніе-то было назначено далеко не роскошное. Пяти оберъ-офицерамъ, входившимъ въ составъ посольства, было назначено по 200 руб. подъемныхъ и по 3 р. суточныхъ, выданныхъ впередъ за два мѣсяца. Вотъ и все. Всякій увидить, что назначеннаго содержанія было недостаточно, если я приведу нѣкоторыя статьи расходовъ.

По случаю мобилизаціи цѣны на всѣ походныя принадлежности сильно поднялись. Такъ напр., до похода пару вьючныхъ сундуковъ можно было купить за 10—12 руб., теперь же цѣна на нихъ возвысилась до 20—25 руб., а достоинство ихъ было хуже. До похода можно было купить очень порядочную верховую лошадь за 40—50 р. Теперь-же, за относительно плохихъ лошадей, приходилось платить 80, 90 и 100 р. Предположимъ, что я куплю двухъ лошадей, 1 верховую и 1 вьючную, и 1 пару вьючныхъ ящиковъ—вотъ и всѣ подъемныя будутъ израсходованы. А для деньщика какъ ни бейся, иначе нельзя обойтись, какъ купивъ ему длинноухаго скакуна (осла). Теперь—на что же купить другія дорожныя принадлежности? Запасы необходимыхъ пищевыхъ веществъ? Вѣдь мы ѣхали въ страну, о которой только и знали одну фразу изъ давно ученой географіи Ободовскаго, что «Авганистанъ населенъ разбойничьимъ племенемъ; главные города Кабуль и Гератъ». Я знаю, что нѣкоторые члены мис-

что брать и чего не брать. Иногда приходилось даже слышать и такіе курьезы, что въ Кабуль существуютъ, навѣрное, англійскіе магазины и что мы встрѣтимъ въ немъ чуть-ли не цѣлый корпусъ «красныхъ мундирѣвъ». — Въ этомъ невѣденіи о странѣ, куда предстояло намъ ѣхать, пришлось купить и везти съ собой нѣкоторыя вещи совсѣмъ не нужныя и на оборотъ, нуждаться въ нѣкоторыхъ существенно необходимыхъ предметахъ.

Однако, какъ ни плохо пришлось мнѣ снарядиться, а когда я выѣзжалъ изъ Самарканда въ Кабуль, то у меня оставалось въ карманѣ всего нѣсколько десятковъ «теньги»¹⁾, оставшихся отъ суточныхъ денегъ, выданныхъ за два мѣсяца впередъ. Чѣмъ бы пришлось питаться въ дорогѣ, еслибы не выручало гостепримство бухарскаго эмира во время пути по бухарскимъ владѣніямъ, и авганскаго — во время проѣзда по Авганистану, — одинъ Аллахъ вѣдаетъ.

Новость — посланіе миссіи въ Кабуль — разомъ облетѣла весь Ташкентъ. Я былъ засыпанъ со стороны своихъ знакомыхъ офицеровъ вопросами, разспросами, шутками, остротами, пожеланіями и разными соображеніями относительно предстоящаго пути. Всѣ были почему-то увѣрены, что миссія въ Кабуль встрѣтитъ чуть-ли не цѣлую англійскую армію. Многіе высказывали предположенія, что миссіи не видать Кабула, «какъ своихъ собственныхъ ушей», что авганскій эмиръ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ англичанами и, конечно, не приметъ миссіи. Нѣкоторые сулили намъ всякія бѣды отъ разбойничьяго авганскаго народа, но при этомъ прибавляли, чтобы миссія не робѣла, — вѣдь за нею-де слѣдомъ пойдетъ наше храброе туркестанское воинство, и что если что и случится съ нею, то мы-де выручимъ..

Но въ чаду приготовленій къ отъѣзду, мнѣ было совсѣмъ не до праздныхъ словоизверженій. Болѣе или менѣе важныя указанія и совѣты я получилъ отъ полковника Н. И. Королькова и, признаюсь, они сослужили для меня добрую службу. И. П. Суворовъ также далъ весьма цѣнныя указанія.